

НИНА
АГИШЕВА

*Шарлотта Бронте
делает выбор*

Викторианская
любовь

ШЕ

РЕДАКЦИЯ
ЕПЕНЫ ШУБИНОЙ

Нина Агишева

**Шарлотта Бронте делает
выбор. Викторианская любовь**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8

Агишева Н.

Шарлотта Бронте делает выбор. Викторианская любовь /
Н. Агишева — «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-134437-5

Новая книга о Шарлотте Бронте – это увлекательное путешествие в Брюссель 40-х годов XIX века, где знаменитая английская писательница пережила первую – и главную – любовь. О ее подлинных отношениях с учителем Константином Эже, отцом пятерых детей, стало известно лишь в 1913 году, когда были обнародованы письма Шарлотты. Их уничтожали, рвали, сшивали и клеивали – эта почти детективная история предстанет перед читателем. Он убедится в том, что безответная и несчастливая любовь может стать не только испытанием, но и удачей для творческой личности, пробудив в ней новые, неведомые ей самой возможности. Известный театральный критик Нина Агишева на основании подлинных документов выдвигает собственную версию событий, которая может равно заинтересовать и литературоведов, и любителей женских романов.

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-17-134437-5

© Агишева Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Сергей Николаевич	6
Нина Агишева	9
Глава 1	11
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Нина Агишева

Шарлотта Бронте делает выбор. Викторианская любовь

– Но такая жизнь печальна.

*– Да. Печальна. Но бывают печали более горькие. Например,
разбитое сердце.*

Шарлотта Бронте. Городок

*На обложке – Яна Сексте в образе Шарлотты Бронте (фото на передней стороне В.
Клавихо-Телепнева, на задней – С. Николаевича)*

© Агишева Н., 2020

© Клавихо-Телепнев В., фото

© ООО “Издательство АСТ”, 2020

Сергей Николаевич Романтические англичанки

Англия всегда была загадкой для русской души. Что скрывается за этим улыбчивым и неприступным фасадом? Отчего английская вежливость, часто принимаемая за надменность и снобизм, остается непреодолимой преградой для понимания национального характера? Откуда взялся пресловутый культ *privacy* (“мой дом – моя крепость”), о который разбились многие наивные мечты о возможности близости и даже дружбы с жителями Туманного Альбиона?

Самый простой и очевидный ответ на эти вопросы: они – другие. С одной стороны, традиционная замкнутость островного сознания. Когда вокруг простирается и бушует безбрежная водная стихия, невольно сам начинаешь ощущать себя одиноким островом посреди враждебного и опасного моря-океана. С другой стороны, Великая хартия вольностей. Именно этот документ остается краеугольным камнем в основе английского миропонимания и миропорядка. Невероятно, но факт: более девяти столетий в Англии право на личную свободу возведено в ранг главного закона. Без этого Англию не понять.

Как не понять и историю, рассказанную в этой книге. На первый взгляд, она вся про любовь. (Тем более что само это слово честно вынесено в заголовок.) Но не только! Тут много всего сошлось: и правда подлинных документов, впервые публикуемых на русском языке для широкого читателя, и фантазия автора, смело домысливающего отдельные эпизоды биографии своих героев, и тайна великой, но так до конца и не прочитанной в России книги “Городок”.

И, конечно, это Англия, явившаяся нам в темном наряде скромной ученицы брюссельского пансиона под именем Шарлотты Бронте. Дочь провинциального пастора из далекого английского Хаурта. Молчаливая, скрытная, застенчивая, еще не до конца осознавшая свой писательский дар, она приезжает в Брюссель совершенствовать свой французский, чтобы по окончании учебы открыть школу для девочек в родном городке. Но ничего из этих планов не выйдет. А будет любовь, которая поменяет ей судьбу, а заодно сделает ее имя одним из самых известных в истории мировой литературы.

Подлинный драматизм истории любви Шарлотты Бронте состоит в том, что про это почти никто ничего не знает. Одни лишь догадки и предположения. Одни обрывки чудом сохранившихся любовных писем, прошитых суровыми нитками. Кто их рвал? Кто потом старательно сшивал? Чьи глаза скользили по строчкам, написанным со старательностью отличницы? Куда подевались ответы на письма Шарлотты? И были ли они?

Так незаметно, шаг за шагом, мы вступаем на территорию нового романа, находящегося в рискованной близости от классических шедевров “Джейн Эйр” и “Городок”. Мы следим за тем, как жизнь сама дописывает историю застенчивой англичанки, как она бросает ее в водоворот страсти и заставляет заговорить своим подлинным голосом.

“Викторианская любовь” – это прежде всего история обретения собственного голоса. История женщины, осознающей свое истинное предназначение. Не семья – цель любой порядочной викторианской девушки, не школа – прибежище старых дев и бесприданниц, не даже любовь, к которой Шарлотта так неистово и отважно стремилась, а слово, литература, писательство. Одиночество перед белоснежным листом бумаги, озаренное немеркнущим сиянием свечи и нового замысла. А то, что случилось (или не случилось?) в Брюсселе – это только пролог, введение в ту, другую, новую жизнь, которую она сама сочинит и перепишет несколько раз набело, перед тем как издать свое первое сочинение под мужским псевдонимом.

Всемирно знаменитой Шарлоттой Бронте она станет уже после смерти. В триумvirате с невероятно талантливыми и тоже рано ушедшими сестрами Эмили и Энн. Три сестры Бронте

– это еще одна чисто английская история с семейными драмами, тайнами, ранними смертями. Три чахоточных девы, три пасторских дочери, три поэта-романтика, приговоренных прожить жизнь в доме с окнами, выходящими на кладбище. Один и тот же унылый вид на могильные кресты и одна судьба – уйти рано и обрести признание после смерти. Шарлотта переживет своих сестер. Она – единственная, кто даже успеет побывать замужем. Недолго и, похоже, не очень-то счастливо.

Я видел белое подвенечное платье Шарлотты, хранящееся как величайшая святыня в Доме-музее Бронте в Хауорте. Первая мысль: какая же она была маленькая! Совсем крошка. Все такое изящно невесомое, компактно-игрушечное. И шляпка с перышком, и нитяные перчатки, и кружевной летний зонтик, и нереально малого размера талия. Женщина-ребенок, женщина-кукла. Ни одной подлинной фотографии Шарлотты не сохранилось. А ведь в Европе вовсю уже процветали ателье, где делали дагерротипы, прозванные “зеркалом с памятью”. И многие ее именитые современники обзавелись собственными мерцающими изображениями из серебра и ртути, по которым мы можем судить о том, как они выглядели.

Так возникла идея сделать для этой книги портрет Шарлотты Бронте. Вместе с фотографом Владимиром Клавихо-Телепневым и художником Дмитрием Васильевым мы придумали образ англичанки 40-х годов XIX века. В капоре, с неизменной шалью, в наглухо закрытом платье с кружевным воротничком. В этот образ полностью вжилась прекрасная актриса Театра Олега Табакова Яна Сексте. А потом нам показалось, что без главного героя и адресата любовных писем, месье Константина Эже, эта история будет выглядеть какой-то неубедительной, незаконченной. И тогда фрак, жилет и цилиндр примерил на себя ведущий актер Гоголь-центра, американец Один Байрон. Костюм модника и денди, как и весь викторианский антураж, ему невероятно подошел. Байрон (забавное совпадение имен!) будто создан, чтобы играть в костюмных драмах. Как, впрочем, и Глафира Тарханова, выбранная нами на роль мадам Зоэ Эже, соперницы Шарлотты. Но, как гласит легенда, именно недюжинной прозорливости Зоэ и ее искусству владения иглой с ниткой мы обязаны тем, что письма Шарлотты дошли до нашего времени. Конечно, наша фотосъемка не более чем костюмированная фантазия. Тем не менее она, как и вся эта книга, – попытка прочувствовать и прожить ту давнюю историю как сегодняшнюю, подключить к ней молодых артистов, наполнить ее дыханием и энергией нынешней жизни.

За то время, что шла работа над книгой, Шарлотта Бронте будто сама посылала нам знаки, что ее историю надо рассказать до конца. И, что важно, по-русски!

Однажды я разговаривал с известным английским исследователем и биографом Чехова Дональдом Рейфилдом. И впрямую спросил его, есть ли какая-то связь русского классика с сестрами Бронте?

– Ну конечно, Антон Павлович отлично знал все их романы, переведенные на русский язык, – воскликнул мистер Рейфилд. – И этому есть неоспоримое доказательство – сохранившиеся записи в формуляре таганрогской городской библиотеки. Будучи гимназистом, Чехов старательно штудировал и “Джейн Эйр”, и “Городок”, и “Грозовой перевал”. А потом, есть и очевидные совпадения с “Тремя сестрами” – три девушки, томящиеся в глуши, неудачливый брат, мечты вырваться в столицу. Разве это не напоминает жизненную ситуацию самих сестер Бронте?

Неожиданное чеховское эхо прозвучало, когда мы вместе с Ниной Агишевой переступили порог Вестминстерского аббатства и, пройдя вереницу величественных памятников в “Уголке поэтов”, увидели скромную мраморную доску, посвященную памяти сестер Бронте. Там были высечены слова, которые легко перевести цитатой из “Чайки”: “Неси свой крест и веруй”.

А когда приехали в Хауорт, то белый пасторский дом и могильные кресты рядом напомнили декорации Валерия Левенталю к знаменитому спектаклю “Вишневый сад” в Театре на

Таганке в постановке Анатолия Эфроса. Снова жизнь вблизи смерти, в полушаге от могил... Не хватало только чеховских вишневых деревьев, осыпающихся белым. Зато пышно цвел английский шиповник. И можжевеловая пустошь, ковром простиравшаяся до самой линии горизонта, выглядела точно так же, как в те времена, когда здесь гуляли сестры Бронте. Ни других крыш, ни мачт электрических сетей, ни привычно дымящих труб. Простор, бесприютность и, конечно, ветер.

Я думаю сейчас о них, об этих странных созданиях, о романтических англичанках, чьи силуэты оказались навсегда вписаны в ландшафт не только английской, но и мировой литературы. И это не только сестры Бронте. Но и Джейн Остин, и Мэри Шелли, и Вирджиния Вулф... По мере возрастающего интереса к феминистской проблематике они то приближаются к нам, то удаляются от нас в свою бескрайнюю можжевеловую пустошь. Конечно, в компании, состоящей исключительно из классиков XIX века, они выглядят немного потерянными. Мужчины, как им и полагается, доминируют. Женщины настороженно держатся поодаль испуганной стайкой. И лишь избранные рискуют выйти из предписанной им полутени. К ним стоит приглядеться, чтобы оценить их бесстрашие и стойкость. В их истории надо вчитаться, чтобы понять, какие бури гнали их из обжитого семейного уюта. С какими барьерами им пришлось столкнуться и сколько страданий вынести, чтобы претворить потом все это в строки стихов, романов, философских трактатов. И если история безответной любви Шарлотты Бронте и может быть сегодня интересна, то только потому, что это история катастрофы, от которой никто не застрахован, и это история выбора, при котором очевидное поражение оборачивается заслуженным триумфом.

Нина Агишева

Шарлотта Бронте и феминизм

Кто сегодня читает романы Шарлотты Бронте? Наивные девочки и их романтические бабушки? Уж точно не современные феминистки, разоблачающие сексизм и мизогинию и готовые насмерть сражаться со всем миром за свои права. Но напрасно, между прочим, они не интересуются жизнью этой “некрасивой любимицы богов”, как назвала английскую писательницу Марина Цветаева. Потому что именно Шарлотта Бронте – без громких деклараций, мужественно и с редким достоинством – сумела отстоять свое право на свободу и творчество. Причем добилась этого в условиях чопорной и лицемерной викторианской Англии, где роль женщины сводилась к браку и деторождению или обслуживанию сильных мира сего и где в самых дерзких мечтах не могли представить себе движения *#MeToo*.

Погружаясь в биографию Шарлотты, я спрашивала себя: читала ли она, например, первый феминистический документ эпохи Великой французской революции – “Декларацию прав женщины и гражданки” (1791) Олимпии де Гуж? Вряд ли. Но вот работу своей соотечественницы Мэри Уолстонкрафт “В защиту прав женщин”, вышедшую годом позже, читала наверняка. И, думаю, внутренне соглашаясь с автором во всем, восприняла ее как некую утопию, имеющую мало отношения к реальной жизни. Потому что у дочери пастора из английской глуши прав на независимость практически не было. Шарлотта добивалась их молча, поступками, ни в чем не изменяя тем нравственным принципам, что составляли ее суть. Она отправилась в Брюссель совершенствовать французский, чтобы открыть свою школу. Она без памяти влюбилась там в своего учителя, женатого отца семейства. Она писала ему любовные письма, обнародованные только в 1913 году и потрясшие англичан почти через шестьдесят лет после ее смерти, – русский читатель впервые прочтет их в этой книге на родном языке. Она стала писательницей (хотя сперва и под мужским псевдонимом) и начала самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Ура, феминистки торжествуют – но тут она совершает поступок, опрокидывающий все их представления о месте женщины в мире. Она выходит замуж без любви ради старого слепого отца – и умирает.

Почему я выбрала именно брюссельский период ее жизни? Не только потому, что он менее изучен даже в многочисленных и подробнейших английских биографиях Шарлотты Бронте. Просто здесь сошлись вещи, казалось бы, противоположные, но на самом деле неразрывно связанные в жизни любой женщины (пока она еще не стала квиром, то есть тем, кто свободно выбирает себе пол, как предупреждают): любовь и творчество. Любовь и свобода. Да, учитель от бога Константин Эже не бросил ради нее семью, не помог деньгами, чтобы она могла открыть свою школу, мы даже не знаем точно, была ли между ними связь, хотя и можем строить предположения на этот счет, но он дал ей гораздо больше – веру в себя и свободу творческого самовыражения. Во многом ему мы обязаны тем, что она начала писать. Если бы все мужчины были на него похожи, возможно, движение феминисток не набирало бы с годами такую силу и не принимало бы подчас столь крайние формы (а это началось вовсе не сегодня, достаточно вспомнить суфражистку и борца за избирательные права женщин Эмили Дэвисон, которая в 1913 году на скачках бросилась под лошадь короля Георга V и погибла).

Сегодня феминизм вышел за пределы борьбы за женские права и стал движением в защиту всех, кто угнетен, кто подвергся абьюзу и чьи ограниченные возможности не хочет учитывать общество. Думаю, Шарлотте бы это понравилось – она всегда была на стороне слабых. Вот только грань между расширением прав одних и попранием прав других бывает очень тонкой, почему в современном мире толерантность иногда ограничивает свободу, и даже свободу художника, свержая его с пьедестала и уравнивая во всем с другими, в том числе с обы-

вателями. И в этом смысле феминизм сестер Бронте, не диктующий и не навязывающий свои правила, естественный, как сама жизнь, мне гораздо ближе.

Симона де Бовуар писала: “Женщиной не рождаются, женщиной становятся”. Ей вторила Сьюзен Зонтаг: “Я сделала себя сама – так мне видится моя карьера. Мне казалось невыносимым, что кто-то может не решиться делать то, что хочет, просто потому, что женщинам это делать не положено”. Не правда ли, все это имеет самое прямое отношение к судьбе Шарлотты Бронте? Убедитесь в этом – пройдите вместе с ней по вересковым пустошам Хауорта и каменным тротуарам rue Изабель в Брюсселе, прикоснитесь к пожелтевшим от времени страницам ее писем, порванных, а потом сшитых чьей-то ревнивой рукой (об этом тоже пойдет речь). Узнайте, как можно победить время, судьбу и пережить безответную любовь, сделав ее – да-да! – источником радости и вдохновения. И никто меня не убедит, что женщинам XXI века это не нужно или не интересно.

Глава 1

Бельгия. Зоэ находит письмо

Над Брюсселем сияло солнце. Зоэ быстрым шагом прошла через классные комнаты – везде идеальный порядок, ни пылинки, ни одной забытой книжки, – настежь открыла окна (февраль в этом году выдался на удивление теплым) и направилась в гостиную. Все, выходной, сегодня уроков не будет и можно отдохнуть. Но тут ее зоркий и всегда напряженный взгляд остановился на маленьком столике с мраморным верхом, на который прислуга обычно выкладывала свежую почту. Что-то заставило ее взять в руки конверт, внешне ничем не отличающийся от других, разве что адресован он был не ей, а месье Константину Эже. В этом не было ничего необычного, на адрес пансиона ему писали и бывшие ученики, и старые друзья, жившие теперь в разных городах Европы. Но на штемпеле стояло два слова: “Бредфорд – Йоркшир”, и даже ее познаний в географии хватило, чтобы понять: письмо пришло из Англии. Зоэ посмотрела по сторонам – в гостиной она была одна – и решительно вскрыла письмо. Конечно, это ее почерк – бисерный и каллиграфический. И конечно, это жалкий любовный лепет, который эта сумасшедшая англичанка пытается спрятать под ничего не значащими сообщениями о своей провинциальной жизни и витиеватыми французскими оборотами, – спасибо еще, что пишет по-французски, иначе бы Зоэ просто ничего не поняла. Она внимательно читала, и письмо дрожало в ее руках. Что за выпрєнный бред, что за странная пунктуация с множеством тире, которые делают текст таким манерным? Разве этому учат на уроках литературы в ее пансионе? Да, это было любовное признание, адресованное ее мужу и отцу ее пятерых детей. Чего-то подобного она и ожидала, когда полтора месяца назад сама везла эту гордячку-англичанку, эту невзрачную серую мышку в Остенд, чтобы посадить ее там на пакетбот и навсегда отправить восвояси. Обе понимали, что пути назад нет, но вместо облегчения Зоэ чувствовала тогда страшную тревогу, и у нее сжималось сердце от какого-то горького предчувствия. Она разорвала письмо и бросила в деревянную корзину для мусора. Солнечный февральский день 1844 года, который обещал стать днем отдыха и семейных радостей, для мадам Зоэ Эже, владелицы и директрисы пансиона для девочек, был безнадежно испорчен.

После обеда, когда увели детей, она поднялась на второй этаж в молельную комнату и опустилась на колени перед статуей Девы Марии. Зоэ молилась скороговоркой, почти машинально, благо все слова знала наизусть с раннего детства, – ее воспитывала строгая тетя, Анн-Мари Легран, сестра матери. Она была монахиней католического ордена, и когда во время революции орден уничтожили, не стала предаваться отчаянию, а основала школу для девочек, где, помимо всего, им прививали правильные религиозные навыки – всю жизнь тетя оставалась ревностной католичкой. Зоэ унаследовала от нее не только школу, но и преданность Богу. Две из четырех племянниц Анн-Мари – Зоэ была самой старшей из всех – полностью посвятили свою жизнь католической церкви. Сестры-англичанки, любимые ученицы Константина, были протестантками, но в пансионе мадам Эже им разрешалось произносить свои еретические молитвы где и когда угодно. Сколько выдержки и терпения она тогда проявила! Многие в школе догадывались, что старшая, Шарлотта, безнадежно влюблена в своего учителя. За восемь лет брака Зоэ уже привыкла, что глупые прыщавые девицы нередко оказывались в плену его темперамента, его ораторского искусства и той страсти, которую он питал к преподаванию как таковому. Сколько раз она благодарила Бога за то, что он послал ей не только мужа, но и талантливого учителя с безупречной репутацией, благодаря которому ее заведение процветало. Но нет, с этой англичанкой было что-то другое. Однажды она сама видела, как Шарлотта вошла в комнату, где до этого Константин курил трубку, и долго стояла одна, вдыхая запах его табака. Она помнила, какое у нее тогда было лицо и как жадно она раздувала ноздри.

Кто мог ждать от дурнушки подобной чувственности? Саму Зоэ запах его табака всегда только раздражал, и ей и в голову не пришло бы им наслаждаться. Тогда она испытала что-то похожее на боль, как если бы стала свидетелем измены. Глупость, конечно, какие измены в пансионе благородных девиц? Нет, хорошенько поразмыслив, она поняла: больно было оттого, что она... позавидовала Шарлотте. Та неожиданно разбудила воспоминания, которые Зоэ все эти годы старательно стирала из своей памяти.

Мадам Клэр Зоэ Эже, урожденной Паран, только что исполнилось сорок лет. Это была статная красивая женщина с алебастровым цветом кожи, густыми темнокаштановыми волосами (с ними ловко управлялся парикмахер, которого специально приглашали на рю Изабель), голубыми глазами и чуть тяжеловатым подбородком. Ей очень шла прическа, которая по моде того времени называлась «а-ля Клотильда» – прямой пробор и две косы по бокам, затейливо уложенные на затылке. Она щегольски одевалась и особенно любила открытые бальные платья, обнажающие роскошные плечи, и огромные шали, на которые шло до пяти ярдов кашемира или шерсти зимой и тонкого кружева летом. Многие ее шали были украшены бахромой и индийскими «огурцами», такой рисунок называли «пейсли». Мадам была чистокровной француженкой: в 1789 году семья ее отца бежала из Парижа в Брюссель от революции. Уже в Бельгии отец женился на красавице Шарлотте Легран, которая теперь, овдовев, жила вместе с супругами Эже на рю Изабель. Сама Зоэ вышла замуж поздно, в тридцать два года, за учителя Королевского колледжа для мальчиков и вдовца Константина Ромена Эже. Он был моложе ее на пять лет и успел к тому времени похоронить молодую жену и девятимесячного сына, умерших от эпидемии холеры, пришедшей в Европу, вместе с чаем и шальями, из той же Индии. У них уже было пятеро детей – четыре девочки и один мальчик, и супруги Эже считались одной из самых счастливых и гармоничных супружеских пар бельгийской столицы. Считались или были таковыми на самом деле? Вдруг провидение неслучайно послало к ним двух дочек английского пастора?

«Всего-то прошло два с небольшим года», – подумала она. Да, англичанки появились на рю Изабель в феврале 1842-го. Она как раз донашивала своего четвертого ребенка – в марте родился долгожданный сын, Проспер Эдуард. Чудовищно себя чувствовала, хотя выглядела хорошо, и все думали, что ей ничего не стоит и следить за пансионом, и рожать, и быть неизменно приветливой и доброжелательной. «Не бывает плохого настроения – бывает плохое воспитание», – говорила тетя. Как же ее не хватает. Мягкосердечная и поглощенная какими-то своими мыслями мать, давно уже сама превратившаяся в ребенка, конечно, не может ее заменить. Если бы тогда знать, что из всего этого выйдет, она ни за что не пригласила бы их в Брюссель. Ни за что.

Глава 2

Англия. Хауорт. Отъезд

Все окна в ее доме смотрели на кладбище. Узкие серые надгробия, от времени потемневшие и заросшие мхом, давно уже стали привычной и неотъемлемой частью жизни. А как иначе, если, проснувшись, именно их она видела за стеклом, и давно уже, с самого детства, привыкла определять погоду по тому, кружит ли над могилами ветер, засыпая их листьями и снегом, поливает их дождь или они тихи и безмолвны в лучах восходящего солнца. Солнце на северо-западе Йоркшира было редким гостем, поэтому чаще всего мокрые памятники тонули в тумане и измороси. Как и сегодня, во вторник 8 февраля 1842 года. Это был холодный и промозглый день. Но сегодня ее не интересовала погода: ведь она первый раз уезжала из Англии, из Хауорта, из пастората далеко-далеко – на континент, в Бельгию. И один только бог знает, как же она этого хотела и как долго и терпеливо готовила поездку.

Полы в каменном двухэтажном доме пастора Патрика Бронте были тоже каменными, и сейчас пастор и две его дочери – Шарлотта и Эмили – мерзли внизу около лестницы и ждали, когда по ней застучат деревянные башмаки тети Бренуэлл. Багаж был давно собран, но прежде две недели шили сорочки, подрубали носовые платки (все-таки девочки отправлялись в столицу), и теперь тетя несла еще один, последний сверток. Служанки, верная немолодая Табби и совсем юная Марта, которую недавно взяли ей в помощь, еще с вечера выглядели испуганными. Им, деревенским жительницам, предстоящее молодым хозяйкам морское путешествие казалось опасным. Мало ли случается кораблекрушений! В доме хорошо помнили, как из-за шторма погибло приданое Марии Бренуэлл, будущей жены пастора и матери его шестерых детей. Судно разбилось, и сундук был выброшен на берег в Девоншире. Тогда она писала своему жениху: «Если только это не предисловие к чему-то гораздо худшему, то надо признать, что это первое несчастье, случившееся со мной с тех пор, как я покинула родной дом». Родной дом – это прекрасный Корнуолл, южное морское побережье Англии с изобилием зелени и мягким климатом. Как отличалось оно от йоркширских пустошей, вечно продуваемых ледяным ветром! Она все правильно поняла: это действительно было только предисловием, намеком на грядущие несчастья. Мария умерла в этом самом доме тридцати восьми лет от роду, а ее младшей дочери Энн не исполнилось тогда и двух. Теперь Энн служила гувернанткой в семействе Робинсон в поместье Торп-Грин близ Йорка, и ее хозяйке, миссис Лидии Робинсон, уготовано было сыграть зловещую роль в судьбе единственного брата сестер Бронте – Патрика Бренуэлла. Впрочем, тем февральским утром об этом еще никто ничего не знал, а сам Патрик Бренуэлл не участвовал в проводах, потому что работал делопроизводителем на железной дороге недалеко от Галифакса.

Экипаж медленно спускался по крутой Мейн-стрит, главной улице деревушки Хауорт. Дорога там так круто забирала вверх, к церкви, пасторскому дому и кладбищу, что плиты, которыми она была вымощена, специально укладывали неровно, чтобы дать лучшую опору для лошадиных копыт, в противном случае лошади могли соскользнуть и покатиться вниз. Было очень рано, еще не рассвело, и прихожане церкви Святого Михаила и Всех Ангелов, куда в 1820-м священником назначили Патрика Бронте, крепко спали.

У преподобного мистера Бронте и Эмили тоже невольно закрывались глаза, они уже дремали, и только Шарлотту била нервная дрожь, и о сне и покое не могло быть и речи. Миниа-тюрная, ростом с ребенка (такой была и ее мать), она с головой завернулась в широкий капор (так называлась тогда свободная верхняя одежда, предшествующая появлению пальто) и напонила нахохлившуюся черную птичку. Она не была красива: красноватое лицо, более крупный, чем следовало, нос, к тому же нескольких зубов уже недоставало. Хороши были только

большие карие глаза да мягкие каштановые волосы – когда хвалили ее глаза, она смеялась: да, так всегда говорят некрасивым женщинам. Много лет спустя Толстой напишет то же самое о княжне Марье. Интересно, что Шарлотта так же, как и княжна, загоралась и становилась почти прекрасной, когда говорила о том, что ее действительно волновало и что было ей важно. Тогда очевидными становились ее страстность и особый внутренний свет – но такие моменты случались редко, потому что она была застенчива до болезненности, до рвоты, и родные знали эту ее черту и старались свести к минимуму ее общение с новыми людьми, которые, слава богу, появлялись в пасторате очень и очень редко. Сейчас ее никто не видел, а она улыбалась и была почти хорошенькой в черном капоре и черном платье с белыми кружевами вокруг шеи. Корсетов по моде того времени сестры Бронте не носили еще и потому, что талии у них от природы были тонкими, тоньше некуда. А вот несколько нижних юбок пришлось надеть – тогда их использовали в том числе и для того, чтобы не пачкалось платье.

Гардероб у дочек пастора был очень и очень скромный, что скоро вызовет насмешки бойких богатых фламандок, но они об этом еще не подозревают.

Тяжелая поклажа – книги, книги! в семье был их культ – угрожающе подпрыгивала на брусчатке. Шарлотта захватила с собой и три тома романа Харриет Мартино “Дирбрук” – о несчастной и преступной любви героя-доктора к своей свояченице. Вот удивились бы прихожане, узнав, что всегда тихая и молчаливая мисс Бронте читает такие романы! И вместе со своей школьной подругой Мэри Тейлор жарко обсуждает проблемы женской эмансипации, которые для писательницы Мартино, глухой от рождения, были важной темой. Философ, социолог и публицист, она едва ли не первой в Англии стала говорить о том, что замужество – это вовсе не единственный путь для женщин. Что им стоит стремиться к материальной независимости и раскрытию своих способностей, и тогда воля отца, мужа или брата уже не будет определять их судьбу. Сестер Бронте и их подруг все это касалось напрямую. Шарлотта – в отличие от большинства своих сверстниц – никогда не увлекалась романами Джейн Остин с неизбежной свадьбой в финале. Ей не хватало там подлинности, свободы, воздуха. Хотя она, с ее аналитическим умом, прекрасно понимала, что перспективы у них всех более или менее одинаковые: замужество, или уход за детьми в доме замужней сестры или женатого брата, или гувернерство. Те, у кого были деньги, могли еще открыть школу, как Маргарет Вулер, ее старшая подруга. Но как раз преподавать Шарлотта и не любила больше всего на свете.

Сейчас она не хотела об этом думать, она жадно глядела в окно, как будто могла увидеть там что-нибудь, кроме черных домов, сточных канав вдоль дороги и бескрайних вересковых пустошей вокруг. Мыслями она была уже далеко, не в Китли – первой станции на пути, откуда они на поезде должны были отправиться в Лидс, а затем в Лондон, и даже не в Лондоне, где она еще никогда не была. Она ждала встречи с морем и новой – вдруг обетованной? – землей. Она не хотела ни о чем вспоминать, но все, что у нее к этому дню было – это как раз воспоминания, и теперь они не хотели отпускать ее.

* * *

...Стоунгэпп, север Йоркшира, семейство Сиджвик. Первый раз она гувернантка. Два маленьких мальчика, четырех и девяти лет. Один из них на прогулке стал кидаться в нее камнями – и попал в висок. Кровь, перевязка и недовольство матери. Конечно, она не стала жаловаться, а сказала, что упала и ушиблась. Ее немедленно засадили за шитье чепчиков и одежды для кукол. На целый день. В остальные дни, когда обходилось без происшествий, ее просто не замечали. Она писала оттуда сестре: “Гувернантка в частном доме не имеет собственной жизни, ее считают не самостоятельным человеческим существом, а только придатком к тем скучным обязанностям, которые она должна исполнять. Когда она учит детей, развлекает их или работает на семью, все нормально. Если она украдет кусочек времени для себя самой,

она становится для окружающих отвратительной». Шарлотта просит не показывать это письмо отцу и тете, потому что они думают, что она «всегда всем недовольна». С мая по июль, всего три месяца, продолжалось пребывание у Сиджвиков, которое показалось ей вечностью. Через полтора года новая попытка – семейство Джона Уайта, Аппервуд-хаус близ Лидса. Восемилетняя девочка и шестилетний мальчик. Опять бесконечное шитье: миссис Уайт нагружала ее им даже в полагающиеся гувернантке выходные. Убедившись, что хозяйка груба и не слишком образованна, в письме к подруге Шарлотта замечает: «Теперь я поверила, что миссис Уайт действительно дочь сборщика акцизов». Те, кто посещал богатое поместье этой семьи, могли увидеть скромную молодую женщину, как правило сидящую где-то в углу, в самом незаметном месте. Она низко склонялась над иглой с ниткой или держала почти у самых глаз книгу (Шарлотта была близорука). Эта маска серой мышки, холодной и апатичной особы, никогда не вступающей в разговор то ли от застенчивости, то ли от того, что ей нечего сказать, была полной противоположностью ее истинному характеру. Но знали об этом лишь сестры и две близкие подруги – Элен Насси и Мэри Тейлор. Мэри с братом как раз должны были присоединиться к ним в Лидсе – они тоже ехали в Бельгию, где Мэри вместе со своей сестрой Мартой училась в престижном пансионе Шато де Кекельберг. Мэри и была вдохновительницей этой поездки, она заставила сестер поменять планы – вместо французского Лилля отправиться в Брюссель.

Вот уже показался Китли – растущий промышленный городок, лежащий в долине между холмами. Это место нельзя было назвать живописным: серые здания шерстопрядильных фабрик, убогие дома работающих на них людей, каменные ограды, а вокруг унылые поля без единого деревца. Холмы, холмы, за которыми хочется увидеть какую-нибудь красоту, но нет – опять бедные поля и пустоши. Некоторые из этих фабрик принадлежали мистеру Тейлору, отцу Мэри. Полли! Шарлотта улыбнулась, вспомнив свою яростную подругу, которую они с Элен прозвали Полли, или Пег. Когда-то рослая красивая девочка в красном платье с короткими рукавами и глубоким круглым вырезом по моде того времени во все глаза, с удивлением и нескрываемой жалостью смотрела на замерзшую и плохо одетую Шарлотту, вылезавшую из закрытой кареты. Тем январским утром 1831 года дочка пастора Бронте приехала учиться в школу мисс Вулер в Роу-Хед. Сама Мэри годы спустя вспоминала об этом так: «Когда Шарлотта появилась в классе, она переделалась, но и это, другое, платье было таким же старым. Девочка выглядела маленькой старушкой и была так близорука, что казалось, будто она постоянно что-то ищет, наклоняясь к вещам. По характеру она была робкой и нервной, говорила с сильным ирландским акцентом, идущим от отца. Когда ей давали книгу, она склоняла к ней голову так, что чуть ли не касалась страниц носом. Ей приказывали выпрямиться, и она поднимала голову, продолжая по-прежнему держать книгу у самого носа, и окружающие не могли удержаться от смеха».

Это Мэри без обиняков заявила новенькой, что та *very ugly* – очень некрасивая, уродливая. Позже, когда она извинилась за грубость, Шарлотта ответила: «Не переживай, Полли, ты сделала мне добро своими словами, и не надо раскаиваться». Мэри была резкой, прямодушной и очень упрямой. Однажды мисс Вулер дала им обоим задание – читать после уроков «Лекции по риторике» Хью Блэра, считавшиеся тогда одним из главных учебных пособий по эстетике. Шарлотта покорно читала, а Мэри наотрез отказалась и целый месяц отправлялась в постель без ужина (таково было наказание), но не сдалась. Когда мечтательная Шарлотта рассказывала ей, как любила в школе в Кован-Бридже подолгу стоять возле ручья, на большом камне, и созерцать течение воды, – Мэри заявила, что куда лучше было бы удить там рыбу. А узнав про литературные занятия детей Бронте – те издавали рукописный журнал, писали стихи и повести и придумывали истории и героев, – сравнила их с «проросшими в погребе картофелинами». На что Шарлотта грустно ответила: «Да-да, именно так».

Увы, по сравнению с Ред-хаус, домом семьи Тейлоров, пасторат и впрямь мог показаться погребом. Богатый вместительный дом Тейлоров был построен из красного кирпича еще в

1660 году, и когда Шарлотта первый раз попала туда, ее поразили многочисленные картины и статуи, привезенные из Италии и расставленные в альковах холла на первом этаже. Витражи на окнах воспроизводили сцены из произведений Мильтона и Шекспира. Отец Мэри мистер Тейлор непостижимым образом сочетал в себе грубоватость подлинного йоркширца и утонченность европейца, он часто бывал за границей – и по делам (его мануфактуры одевали английскую армию), и для того, чтобы осмотреть знаменитые картинные галереи на континенте. Он скупал гравюры и картины, мог при случае неплохо объясниться по-французски и по-итальянски, живо интересовался политикой и страстно поддерживал республиканцев и диссентеров. Четирем сыновьям и двум дочерям он не только дал состояние, но и привил вкус к свободе и независимости. Увы, после его смерти в начале 1841 года семья стала рассыпаться. У резкой и независимой Мэри были сложные отношения с матерью, и она решила уехать в поисках своей судьбы далеко, в Новую Зеландию. Всю жизнь они с Шарлоттой писали друг другу письма – Мэри все их уничтожила. Причем сделала это тогда, когда к Шарлотте уже пришла слава и обожающие свое прошлое англичане стали скрупулезно собирать любые реликвии, касающиеся жизни сестер Бронте. Чем боялась она скомпрометировать любимую подругу? Здесь была тайна, загадка, но о ней речь еще впереди.

Пока что Шарлотта подъезжает к Китли и думает о том, как же щедра и бескорыстна ее Полли: прислала ей из Брюсселя черную шелковую шаль и пару лайковых перчаток, хотя после смерти отца ей самой приходится экономить. Но главное: именно ее письма из Бельгии и Голландии с описанием красивейших соборов и пейзажей заставили Шарлотту резко изменить свою жизнь. Она признавалась Элен Насси: “Я не знаю, отчего у меня стоял комок в горле, когда я читала ее письмо, – может, от сильного нетерпения: когда же закончится кабала этой однообразной работы? Или это желание обрести крылья, которые есть только у богатых? Или страстное желание видеть, узнавать, учиться? Что-то внутри меня рвалось наружу. Я была ошеломлена сознанием того, что мои способности не реализуются. Затем это чувство исчезло, и я впала в отчаяние”. А что она должна была сказать родным – что хочет увидеть мир, путешествовать? В страшном сне не сумела бы она произнести такие слова. И вот, понимая, что учительство – это вовсе не ее призвание, она предлагает план: мы должны открыть свою школу. Чтобы достойно конкурировать с той же мисс Вулер, надо было предложить то, чего не было в округе: сестры Бронте одинаково успешно, помимо всего, будут учить девочек французскому и немецкому, а также музыке и рисованию. Для получения этих навыков и нужно было отправиться на континент – например, во Францию, не зря же добрейший мистер Тейлор присылал им в Хаурт французские газеты и толстенные посылки, в которых находились французские романы, одна такая посылка содержала однажды целых сорок томов! Шарлотта так загорелась этой идеей, что без труда соблазнила ею сестер, а главное – сумела убедить отца и тетушку Бренуэлл, сестру матери, переехавшую в Хаурт вскоре после ее смерти. Она написала тетушке отчаянное письмо, в котором главным аргументом был пример отца: разве стал бы Патрик Бронте тем, кем он стал, если бы в свое время не отправился из Ирландии в Кембридж, не имея за душой ничего, кроме амбиций. Тетушка дрогнула и выделила племянницам 150 фунтов из своих собственных, тоже весьма ограниченных средств. С помощью Мэри, ее братьев и миссис Дженкинс, жены священника при британском посольстве в Бельгии, была выбрана наконец достойная и не слишком дорогая школа – пансион мадам Эже в Брюсселе.

Шарлотта вспомнила, сколько черновиков письма к мадам Эже она уничтожила, прежде чем запечатала наконец конверт и пешком отправилась на почту все в тот же Китли. Она старалась не зря: получив письмо от неведомой им дочери английского пастора из какой-то глубинки, супруги Эже были тронуты ее серьезным и уважительным тоном и главное – желанием открыть собственную школу для девочек. Почувствовав в ней не просто коллегу, но человека, готового, как и они сами в свое время, начать собственное дело и работать для этого не покладая рук, они – неожиданно для самих себя – назвали минимальную плату за проживание и обучение.

Их цену нельзя было даже сравнить с ценой пребывания в школе во французском Лилле, куда сначала так рвалась Шарлотта. Что ж, Брюссель так Брюссель. К тому же там неподалеку будут Мэри и Марта Тейлоры.

По дороге из Хауорта Шарлотта думала о многом, но ни разу не вспомнила о том, что два года назад ей, бесприданнице и далеко не красавице, поступило сразу два предложения руки и сердца, причем одно – от брата любимой подруги Элен, или Нел, как звала ее Шарлотта, младшего священника Генри Насси. Это было в марте 1839-го, а в июле – еще одно предложение, еще один младший священник – Дэвид Прайс. Оба раза последовал вежливый, но решительный отказ. Это при том, что положение замужней женщины считалось гораздо более выгодным, чем участь учительницы, вынужденной самой зарабатывать себе на пропитание. Подозреваю, умная Шарлотта понимала: потенциальные мужья рассчитывали как раз на то, что набожная, некрасивая и молчаливая дочка пастора станет идеальной женой человеку духовного сана, с ней не будет никаких проблем. О, как они ошибались! «Я вовсе не та серьезная, суровая и хладнокровная особа, – честно писала она Генри Насси, – которую вы предполагаете во мне найти. Боюсь, вы решите, что я романтична и эксцентрична... Я никогда не выйду замуж из страха остаться старой девой, не выйду замуж за достойного человека, которого не смогу сделать счастливым». Мы обе сумасшедшие с Мэри, думала она, – та тоже не слишком интересовалась замужеством, хотя не прочь была пококетничать с понравившимся ей мужчиной, к ужасу своей матери и братьев. Нет, эпоха Джейн Остин решительно заканчивалась. И судьба смеялась: в качестве первой по-настоящему свободной и самостоятельной женщины викторианского времени она решила выбрать худенькую (кажется, дунешь – и нет ее), неприметную и робкую дочь пастора, которая сейчас вслед за отцом и гораздо более рослой и интересной сестрой выходила из экипажа на железнодорожной станции Китли. На перроне уже стоял поезд, отправляющийся в Лидс. Шарлотта растерянно проводила взглядом исчезнувший за поворотом экипаж. Носильщик стал грузить их вещи в вагон, и неожиданно сквозь низкие серые облака прорвался луч неяркого февральского солнца – и тут же исчез, словно сам испугался своей дерзости. Ей почему-то стало страшно, она почувствовала, что все, что она знает и любит, осталось за ее спиной. Отъезд состоялся, и пути назад больше не было.

Глава 3

Лондон

Провинциалы всегда едут в столицы, и их легко узнать по немного потерянному и в то же время надменному виду. Они отчаянно боятся, но при этом готовы на все. Тем, кому посчастливилось в столице родиться, никогда не понять этих парий, начинающих свою битву за жизнь. Не все они растиньяки – кто-то мечтает о любви, кто-то – о славе. Но в самый первый момент все – исполины, готовые перевернуть земной шар, – никто ведь еще не знает, что будет завтра. Нет пока ни боли, ни разочарования – только солнце встает над городом и обещает новый день.

Именно так чувствовал себя двадцатипятилетний ирландец Патрик Бранти (Бронте он станет чуть позже), когда приехал в Лондон погожим августовским утром 1802 года. Высокий худой юноша с ярко-рыжими волосами, как и подобает чистокровному ирландцу, да еще родившемуся в День святого Патрика, и бледноглазыми глазами не спал накануне всю ночь. Город сразу поразил его грохотом экипажей и нескончаемым шумом, который издавали прохожие, уличные продавцы, колокола церквей и дверные колокольчики, кареты и телеги, визитеры, то и дело стучавшие в разные двери, и почтальоны, – как писал позже его современник, “словно стук всех колес всех экипажей на свете слился в один скрежещущий, стонущий, грохочущий рев”. Но он и виду не подал, что испытывал почти что ужас, рожденный чувством заброшенности и полного одиночества того, кто впервые оказался на лондонских улицах. Он видел, как много вокруг нищих и попрошаек, и вспоминал свое детство. Патрик был старшим из десяти детей фермера, уроженца Ольстера Хью Бранти, до самой своей смерти еле сводящего концы с концами. В семье питались в основном хлебом, сделанным из картошки и овсяной муки (мучившая Патрика всю последующую жизнь диспепсия – как раз оттуда). В двенадцать он пошел работать подмастерьем к кузнецу, в шестнадцать сумел организовать сельскую школу, в которой был единственным учителем. Книжки доставал где только можно, запоем читал в потемках (чем безнадежно испортил себе зрение), и “Путешествие Пилигрима в Небесную страну” проповедника Джона Буньяна, “Потерянный рай” Джона Мильтона, произведения Гомера и других греческих и римских авторов сделали невозможное: привлекли к нему внимание преподобного мистера Тая, методиста и друга самого Джона Уэсли¹. Мистер Тай сначала испытал его в качестве учителя собственных сыновей, а потом решил помочь ему получить настоящее образование. Сейчас он ехал с ним в Кембридж, в Колледж Святого Джона, где состоял почетным членом совета.

– Патрик, ты помнишь, как к нам приезжал преподобный Джон Уэсли?

– Конечно, сэр. Тогда он прочитал три проповеди за день, прямо на лугу возле мельницы, две из них под дождем. Не меньше сотни человек слушали его и не расходились до темноты.

– Что тебе запомнилось больше всего в его проповеди?

– “Пока можете, делайте все возможное добро любыми средствами, любыми способами, везде, где возможно, во всякое время и всем людям”. И еще – “Верю мы утверждаем не ритуальный закон, но великий, неизменный закон любви, святой любви к Богу и ближнему своему”.

– Хорошо. Ты слышал что-нибудь о его “Письме римскому католику”?

– Да, сэр.

– Тогда я хочу дать тебе совет... Когда мы приедем в Кембридж, не говори, что твоя мать была рождена в католической семье и, хотя отец твой протестант и прихожанин пресвитерианской церкви, она продолжает оставаться католичкой. И еще про твоего брата Уильяма... Я

---

¹ Джон Уэсли – английский протестантский проповедник и основатель методизма.

знаю, хотя ты и не говорил мне, что он участвовал в битве при Баллинахинч². Полагаю, ты не разделяешь его убеждения. Тот, кто слушал проповеди Джона Уэсли, должен страшиться тирании и насилия во всех его проявлениях, не так ли?

– Конечно, сэр. Я учту все, что вы мне сейчас сказали.

Увы, даже такому гордому ирландцу, как Патрик, который впоследствии прославился своим упрямством и эксцентричностью, приходится быть послушным и осторожным, если речь идет о покорении столицы и о попытке вырваться наверх из того слоя жизни, куда тебя при рождении поместил Господь Бог. Молодому Бранти это удалось в полной мере – в колледже этот деревенский парень из безвестного Эмдейла где-то на севере Ирландии учился бок о бок с ирландским пэром лордом Пальмерстоном, будущим премьер-министром Великобритании. Там же он поменял фамилию на Бронте, которая, во-первых, уже не напоминала о его ирландском происхождении, во-вторых, в переводе с греческого означала “удар грома”, а главное – вызывала ассоциации с великим адмиралом Нельсоном: в 1799 году король обеих Сицилий Фердинанд I пожаловал ему титул герцога ди Бронте. После Трафальгарской битвы 1805 года, когда пошел уже третий год обучения Патрика в Кембридже, фамилия казалась особенно привлекательной. Связи, приобретенные там, поддерживали его всю жизнь – благодаря им состоялось знакомство и с мистером Дженкинсом, английским священником в Брюсселе, к которому он через много-много лет направится через Ла-Манш вместе с двумя дочерьми. И тогда уже Шарлотта первый раз в жизни попадет в Лондон.

* * *

...В то утро они завтракали в гостинице “Патерностер кофе-хаус”, где много лет назад уже останавливался мистер Бронте. Собственно говоря, другой гостиницы в городе он и не знал, поэтому привез девочек сюда. Сегодня они надели свои лучшие платья: шуршали накрахмаленные нижние юбки, сияли свежестью белые кружевные воротнички.

– Эмили, ты не заметила, что официант не понял нас, когда мы делали заказ, и как-то странно улыбнулся?

– Шарлотта, перестань, тебе всегда все кажется.

– Вовсе нет. Прислушайся к разговору двух джентльменов рядом: они говорят иначе, чем мы. Боюсь, у нас жуткий акцент и какой-то местный выговор. Все сразу понимают, что мы из провинции.

– Меня это совершенно не волнует. Хуже то, что ты подняла меня в такую рань и не дала выспаться после дороги.

– Колокола звучали так громко, я не могла спать.

Собор Святого Павла – вон он, совсем рядом. Ты умывалась и даже не взглянула, а я видела в окно, как он плывет в тумане, словно корабль. Мой герцог Заморна встречался с Кристофером Реном³. Я привела его в собор в тот самый момент, когда сын Рена поднимается на вершину купола, чтобы заложить последний камень. После тридцати лет работы и постоянного отсутствия денег!

– Вот в последнее охотно верю. Забудь Ангрию, Шарлотта. Мы едем учиться, чтобы открыть школу. Не зависеть ни от кого, в том числе и от официанта, который в самом деле несет нам вовсе не то, что мы просили. Забудь Ангрию, вспомни письмо Роберта Саути.

Вспомни! Как будто она когда-нибудь могла об этом забыть.

---

² Эта битва 1798 года ознаменовала поражение восстания ирландцев – одного из многих за всю историю – против англичан.

³ Герцог Заморна – герой детских повестей Шарлотты Бронте, действие которых происходит в вымышленной стране Англии. Кристофер Рен – английский архитектор, построивший собор Святого Павла.

Шарлотта вспыхнула, снова увидев то холодное мартовское утро пять лет тому назад, когда она стремглав выбежала из дома, сжимая конверт с ответным письмом придворного поэта-лауреата Роберта Саути. Это ему она рискнула послать свое фэнтези (как сказали бы сегодня) о Стеклянном Городе, столице вымышленного королевства, погрязшего в жестокости и предательствах. Наш “мир внизу” называл эти их литературные фантазии брат Патрик Бренуэлл. Шарлотта получила отповедь, достойную бывшего романтика и постоянного автора журналов тори, которые из всех пушек били по Байрону и Шелли. Саути вежливо спустил ее с небес на землю. Он объяснил, что не стоит возвращать свой талант ради известности – она эфемерна (и был в этом прав). Далее заявил: литература не может и не должна быть делом жизни для женщины. Мечтания нарушат душевное равновесие, все обыденное покажется пошлым и безрадостным, и женщина не сможет достойно выполнить свой долг жены и матери (и здесь он ошибался, как показало время).

О, ответ Шарлотты был образцом того, как надо держать удар, и так растрогал старика, что он даже пригласил ее к себе в гости “на озёра”, в надежде, что после личной встречи она будет думать о нем лучше. “Боюсь, сэр, Вы считаете меня дурочкой. Я понимаю, что мое первое письмо было полной бессмыслицей от начала до конца, но все же я не то бесполезное мечтательное существо, как может показаться”. С редким достоинством она рассказала ему о своей жизни старшей дочери священника, работе гувернанткой и обещала “никогда больше не питать надежд увидеть свое имя в печати”. Она искренне поблагодарила его – как поблагодарила когда-то Мэри, сказавшую ей, девочке, что она уродлива. Так не все умеют поступать, это дар божий, о чем Шарлотта не догадывалась, конечно. Как и о том, что совсем скоро он ей очень пригодится.

– Эмили, вчера здесь как будто удивились нашему появлению, а лакей предупредил, что женской прислуги у них нет. Странно, правда?

– Ты еще прошептала, что он перепутал нас с сестрами Беннет. Те скорее бы умерли бедными приживалками в доме мистера Коллинза⁴, чем пошли в гувернантки. И я их хорошо понимаю.

– Посмотри вокруг: не видно ни одной дамы. А что ты скажешь о двух джентльменах за соседним столиком? Представь, что мы идем пешком по дороге в Китли. Кто движется нам навстречу? опиши их. Говори, пока не пришел папа.

– Господин в годах наверняка книжный торговец откуда-то из провинции. Он слишком скромно одет: лакей рядом с ним, в своем черном костюме, панталонах с застёжками и белом шейном платке, выглядит гораздо наряднее. Он испортил зрение, разбирая мелкий книжный шрифт, и поэтому шурится.

– А молодой человек рядом с ним – студент?

– Нет, это бедный клерк, безнадежно влюбленный в его дочь. Отец ищет выгодного жениха, и бедный малый готов на все, чтобы разбогатеть. Даже украсть и убить. А может, он уже и убил – смотри, Шарлотта, он бледен, заикается, и из его кармана выглядывает рукоятка кинжала!

Сестры так непосредственно рассмеялись, что привлекли к себе внимание всех, кто сидел в углу помещения, там, где располагался “Клуб непросохших страниц”. Такое название этому месту дали еще в XVIII веке, во времена поэта Томаса Чаттертона, тоже бывшего завсегдатаем “Чаптер кофе-хаус”. Это отсюда он писал матери: “Я стал завсегдатаем кофейни и перезнакомился со всеми местными гениями”. Сестры Бронте вряд ли знали, что и сейчас сюда со всего Лондона стекались если не гении, то продавцы и издатели книг, критики и начинающие авторы. Здесь по-прежнему обменивались мнениями, искали работу, заключали сделки. Провинциалы мечтали набраться здесь модных идей и не отстать от жизни. Все приезжали без домочад-

---

⁴ Сестры Беннет, мистер Коллинз – герои знаменитого романа Джейн Остин “Гордость и предубеждение”.

цев. Постояльцев было немного, старый дом с низкими потолками, перерезанными потемневшими от времени балками, использовался в основном для деловых встреч, а по обеим сторонам Патерностер-роуд тянулись склады оптовых книготорговцев. И только близость собора облагораживала это место и придавала ему очарование.

Эмили угадала верно: их сосед действительно был книжным торговцем. Но молодой человек оказался не кем иным, как его родным сыном, и собирался вскоре стать младшим священником. Сейчас оба они во все глаза глядели на двух молодых леди, весело поедающих свою яичницу с беконом и беззастенчиво глазеющих по сторонам. В Лондоне дамы обычно вели себя более чопорно, в этом не было никакого сомнения.

– Как долго спят папа и Мэри с Джо, – Шарлотте не терпелось выйти на улицу. – Как ты думаешь, куда мы пойдём сначала? В собор – ведь он рядом? В Национальную галерею – я читала, что там сейчас по завещанию лорда Фарнборо появились новые Рубенс, Каналетто, Гейнсборо и Констебль? В Британский музей?

– Я бы предпочла Королевский амфитеатр Астлея⁵. А Мэри наверняка захочет отправиться в Хэрродс на Найтбридж покупать перчатки и зонтики.

Эмили дразнила сестру. Она сама мыслями была уже не здесь, а возле Вестминстерского аббатства и Сент-Джеймского дворца. А парламент? Вдруг им посчастливится хотя бы издали увидеть триумфатора Ватерлоо герцога Веллингтона, сэра Роберта Пиля, графа Грея или мистера О’Коннела? В пасторат ежедневно приходили газеты, и девочки Бронте прекрасно разбирались в политике. Наконец, они просто будут бродить по городу. Парки тянутся через него подобно зеленому ожерелью: у подножия Букингемского дворца – парк Сент-Джеймс, вокруг дворца – Грин-парк, а далее, на площади Гайд-парк-корнер – Гайд-парк, переходящий на западе в Кенсингтонгарденс.

– Патрик Бренуэлл точно бы знал, куда пойти.

Обе вспомнили, как брат, мечтавший приехать сюда, чтобы учиться живописи в Королевской академии, часами изучал карту Лондона и мог с закрытыми глазами объяснить, как попасть из Сити в Вест-Энд. Однажды в местном хауортском трактире он потряс своими знаниями лондонских закоулков некоего коммивояжера столичной торговой фирмы – тот категорически не верил, что сам Патрик в Лондоне никогда не был.

Мысль о брате заставила Шарлотту тяжело вздохнуть. Его разочарование службой на железной дороге – с его-то талантами, в которые так верила вся семья, – не сулило ничего хорошего. Предчувствие не обмануло: через месяц, когда они будут уже в Брюсселе, Патрика с позором уволят: аудит обнаружит пропажу 11 фунтов, и, хотя прямо его не обвинят в краже, уведомление о том, что в его услугах больше не нуждаются, он получит немедленно. Она никогда не прочтет его письма другу, в котором в мае того же года он изливал душу: “Я здесь совсем один – единственный обитатель древнего пастората среди унылых холмов, которые скорее всего никогда не услышат паровозного свистка, разве только тогда, когда мы оба будем уже в могиле. <...> Мне остается лишь слушать ветер, завывающий в камине и кронах старых деревьев, и разговаривать с древними греками и римлянами, которые уже две тысячи лет пылятся на книжных полках...” А если бы прочла, то прекрасно бы поняла эти настроения, которые время от времени овладевали всеми молодыми Бронте. Шарлотте так же, как и Бренуэллу, отчаянно хотелось – при всей любви к отцу и отчужденности от дома – вырваться из Хауорта. И вот она добилась этого.

– Эмили, дорогая, давай просто выйдем на улицу и подышим воздухом. Кто знает, сколько времени они еще будут собираться.

Две тоненькие фигурки в плащах и шляпках, одна повыше, другая пониже, неуверенно ступили своими парадными кожаными башмачками на гранитные плиты Патерностер-роуд.

---

⁵ Английский цирк, существовавший в Лондоне с 1780 по 1895 год.

Они быстро зашагали по направлению к собору и не заметили, что ограждения, которые не давали экипажам заезжать на эту улицу – книги любят тишину! – уже закончились и прямо перед ними, окатив их грязной водой из лужи, проехала двуколка. С крыльца гостиницы на них недоуменно смотрели отец и брат с сестрой Тейлоры. Лондонский день – первый из трех – начался.

Глава 4

Ла-манш. Шторм. Первые впечатления

Сквозь дрему ей показалось, что кто-то залез к ней под кровать и теперь раскачивает ее изо всех сил. Она открыла глаза и увидела, что саквояжи и баулы разъезжаются по полу каюты в разные стороны, опрокидывают стулья и бьются о стены. Чья-то рука поймала падающую со стола свечу и задула ее. Все погрузилось в темноту, и только рев ветра и плеск волн, заливающих палубу, слышались повсюду.

Штормовой ветер поднялся на закате, и сразу же пошел сильный дождь. Мэри и Эмили вбежали в каюту мокрые и веселые, они пребывали в прекрасном настроении с того самого момента, когда их пакетбот ранним субботним утром отплыл с Лондон-Бридж в сторону бельгийского Остенда. Шарлотта же словно оцепенела. Ей не хотелось идти на палубу вместе с другими пассажирами, она целый день ничего не ела, только выпила немного глинтвейна из кларета. Даже отец, который не выпускал из рук разговорник для путешествующих по Франции англичан (это была изящная маленькая книжица в переплете из телячьей кожи), забеспокоился и спросил, не надо ли позвать судового врача. Проще всего подобное состояние было объяснить морской болезнью – Шарлотту укачивало и в экипаже, – но нет, до самого вечера пакетбот не плыл, а просто летел по водной глади, не встречая никаких препятствий.

Она сама не понимала, что с ней происходит. Ведь она была счастлива, по-настоящему счастлива – совсем скоро увидит другую страну. Начнется другая жизнь. Это о себе – а не об учителе Уильяме Кримсворте – напишет она скоро в своем первом романе: “Я впервые держал в руках свободу, и улыбка ее, и объятия, словно солнце или освежающий ветер, возродили во мне жизнь”. И в то же время какое-то мрачное предчувствие терзало ей душу. В Лондоне она измучила всю компанию тем, что ей хотелось везде побывать и все увидеть. Неслучайно Эмили в знак протеста в последний день спорила по любому пустяку и категорически не соглашалась ни с одним ее мнением о той или иной картине. Теперь Шарлотта воочию убедилась, что мир населен гигантами – великими художниками, архитекторами, поэтами, – и ужаснулась: как же ничтожна она, скромная провинциальная девушка с литературными амбициями, рядом с ними. О, как понятен ей стал поступок брата, который шесть лет назад, отправившись в Лондон учиться живописи в Королевскую академию на деньги тетушки Бренуэлл, вернулся через две недели ни с чем. Что с ним произошло по дороге, доподлинно никто так и не узнал, но, по одной из версий, он все-таки добрался до столицы – и, посетив академии и галереи, понял свое несовершенство и поспешил ретироваться. Пастор Бронте никого из детей не награждал крепким здоровьем своих ирландских предков, но всем – кроме, может быть, Энн – передал их амбициозность и болезненное самолюбие. Без силы воли эти свойства природы приводили к катастрофе. Вот и Шарлотта сейчас не думала о том, как откроет школу или даже выйдет замуж, кто знает, – нет, она видела себя рядом с теми людьми, чьими книгами и картинами восхищалась, она не мыслила себя вне круга их интересов и их размышлений о жизни. Хотя не призналась бы в этой дерзости никому и никогда, даже сестрам.

Обещали, что путь на пакетботе займет четырнадцать часов, но близилось к полночи, вокруг свирепствовала буря, а берега еще не было видно. Ла-Манш часто преподносил такие сюрпризы, и команда корабля к ним привыкла. Шарлотта почувствовала, что ей надо срочно выйти, иначе ее вырвет прямо в каюте.

– Нельзя, мисс, – преградила ей путь горничная какой-то из дам, примостившаяся на полу возле двери. – Вы же не хотите, чтобы вас смыло за борт?

Она рукой показала на умывальник в углу, от которого уже шел специфический запах: тошнило не одну Шарлотту. Склонившись над тазом и еле удерживаясь на ногах из-за сильной

качки, она почему-то вспомнила картину Тёрнера “Кораблекрушение”. Эстамп с ее изображением прислал им в пасторат мистер Тейлор. Дома она любила смотреть на парусник, опрокидываемый волнами, на огромные массы воды, летящие диагонали мачт и страшную воронку в центре, куда вот сейчас навсегда уйдут люди, вцепившиеся в весла. Нет, ей не было страшно: смерть была своей в Хаурте. Ей было больно оттого, что она уйдет, а мир так и не узнает, какие бури сотрясали ее душу. Интересно, смог бы их выразить на полотне мистер Тёрнер?

Шторм прекратился так же внезапно, как и начался, и около полуночи они уже спускались по трапу в Остенде. Все вокруг было пропитано влагой и остро пахло морем и рыбой. Фонари в порту высвечивали островерхий силуэт Башни Святого Петра – одного из самых старых сооружений в городе. У нее закружилась голова, а вокруг, несмотря на поздний час, раздавались громкие голоса: это местные жители наперебой предлагали путешественникам стол и пансион. И хотя ломаных французских фраз пастора Бронте не понимал решительно никто (да и кто бы их понял в Остенде, испокон веков говорившем на фламандском), их все-таки проводили в выбранную еще в Лондоне гостиницу. Все там было непривычно: выложенные красивой плиткой с цветным рисунком полы, прохладные, полные морского воздуха просторные комнаты, сияющая чистота вокруг и горничные в деревянных башмаках и коротких ярких красных юбках. Постояльцам принесли в комнату теплого сладкого молока и пожелали спокойной ночи. Но сестрам спать совсем не хотелось.

– Эмили, что с нами будет через год, как ты думаешь?

– О, я вижу прекрасную картину. Ты, Энн и я сидим в нашей собственной гостиной, обитой светлозеленым штофом, в прекрасном, процветающем пансионе для молодых девиц. Папа, тетя и Бренуэлл либо только что уехали, погостив у нас, либо должны вот-вот приехать. Все наши долги уплачены, и у нас много наличных денег. Ты собираешься путешествовать и скоро поедешь в свою любимую Францию, а я смогу больше времени уделять... ну, неважно чему.

– И это “неважно что” точно не преподавание в нашем пансионе, я уверена. А кто же там занимается с воспитанницами – одна бедняжка Энн? Пока я путешествую, а ты занимаешься неизвестно чем?

– Так только у Энн и может хватить на это терпения. Да, еще она, наверное, выйдет за “мисс Селия-Амелия”⁶.

– Именно поэтому, мистер Майор Эмили, ты испортила перед нашим отъездом его прогулку с Элен, идя между ними и не дав им даже словом перемолвиться? Беспокоилась о сестре?

– Он глуп, конечно, и откровенно приударял за Элен, но если Энн это нравится, пусть он ей и достанется. Кстати, ты заметила, что здесь никто не говорит ни по-английски, ни даже по-французски?

– Не волнуйся, мы едем во французский пансион. Мадам Эже... Интересно, какая она. Похожа ли на мисс Маргарет Вулер – мне кажется, все женщины, которым удастся завести собственное дело, чем-то похожи. И прошу тебя, будь с ней полюбезнее. Я-то знаю, что ты бываешь резка и даже груба с незнакомыми людьми не потому, что недобра, а...

– Довольно, Шарлотта. Пожалуйста, не гаси свечу.

Шарлотта отвернулась к стене: сейчас, перед началом их новой жизни, она старалась ничем не раздражать сестру, кроме того, в семье привыкли уважать чужое личное пространство. Эмили же достала записную книжку и карандаш и открыла страницу, заложенную высохшим вереском. Нет, это не была гондалская сага⁷. Это были стихи, своего рода тайный дневник. Эмили сочиняла их во время своих долгих одиноких прогулок по окрестностям Хаурта,

---

⁶ “Мисс Селия-Амелия” – прозвище, данное Шарлоттой Уильяму Уэйтмену, веселому и обаятельному младшему священнику, который ухаживал за всеми девушками в округе. Считалось, что Энн влюблена в него.

⁷ О событиях в вымышленном Гондале с его романтическими жителями, обуреваемыми первозданными страстями, Эмили и Энн писали постоянно, вплоть до того времени, когда их “настоящие” романы появились в печати.

и именно ради этого она при любой возможности стремилась туда отправиться, а вовсе не из одной только любви к природе, о которой многие годы спустя будет писать каждый исследователь ее творчества. Она знала, что сестры ужаснулись бы, прочти они хоть одно из ее стихотворений. Может, даже решили бы, что она больна и готовится к смерти. Но Эмили, как и они, просто жила в доме окнами на погост.

Вокруг одни надгробья тут
И тени длинные растут.
<...>
И память бредит, и опять
Я слезы не могу сдержать,
Ведь время, смерть, людская боль
На раны вечно сыплют соль.
Запомнить бы хоть половину
Земной тоски, когда я сгину,
Тогда и райской вышине
Не успокоить душу мне...

(Перевод Т. Гуртиной)

Они пока не знали не только того, что их ждет, но и того, какие же они на самом деле. Путешествия для того и придуманы, чтобы лучше понять самих себя.

В понедельник утром старомодный длинный дилижанс вез их из Остенда в Брюссель. Серые тучи и унылые поля, канавы вдоль обочин и мокрые крыши небогатых домов немногим отличались от английских пейзажей, разве что меньшими размерами, но Шарлотте нравилось решительно все. И когда вечером сквозь беззвездный мрак она увидела первые вспышки огней Брюсселя, то ей показалось, что город притягивает ее, как магнит. Они въехали через главные ворота – *Porte de Flandre* – на мост, по обеим сторонам которого в XVIII веке стояли две высокие круглые башни, теперь замененные на два невысоких здания, и вышли на рю де ля Мадлен, конечной остановке дилижанса. Рядом находился недавно построенный *Hotel d'Hollande*, где им предстояло переночевать и расстаться с Тейлорами: Джозеф далее сопровождал Мэри в Шато Кекельберг, где ее ждала сестра Марта, тоже учившаяся в этой престижной и дорогой школе. Семья Бронте с преподобным мистером Дженкинсом и миссис Дженкинс, которые их опекали в Брюсселе, должна была отправиться в самый центр города, на рю Изабель, в пансион супругов Эже.

Брюссель, переживший правление бургундцев, испанцев, австрийских Габсбургов и Наполеона, поражал разнообразием архитектурных стилей. В первый день у Шарлотты все смешалось в одну пеструю и тревожащую картину: церкви на каждом углу, причудливые фронтоны зданий, среди которых нельзя было найти двух одинаковых или хотя бы похожих, каналы, перерезающие улицы тут и там, узкие средневековые улочки, чисто выбеленные и ярко раскрашенные фламандские домики. Экипаж вез их на великолепную рю Рояль – Королевскую улицу. Там, совсем рядом с Королевским парком, стоял памятник генералу Огюстену Бельяру, сподвижнику Наполеона и одному из лучших его генералов (имя его записано на южной стороне Триумфальной арки в Париже). Здесь они вышли – дальше можно было пройти пешком. Несколько лестничных пролетов вниз от величественной мраморной фигуры генерала, опирающегося на саблю, – и путешественники оказались на рю Изабель, которая как бы отделяла верхний, фешенебельный и аристократический, город от нижнего, коммерческого и густонаселенного.

У этой улицы древняя и интересная история, но пока что сестры Бронте ее не знают. Они спускаются вместе с отцом по лестнице и останавливаются возле зеленой двери боль-

шого белого дома во французском стиле (Шарлотте он показался просто огромным) с латунной табличкой на фасаде. На ней написано: *Pensionnat de Demoiselles* – “Пансионат для девушек”. Почему-то обеим сестрам показалось, что в самом этом слове – пансионат – слышалась несвобода. Как будто их опять привезли в школу в Роу-Хед. Привратница впустила их, и они оказались в просторном длинном холле, полы которого были выложены черным и белым мрамором, стены выкрашены в подражание полу, а в самом конце через стеклянную дверь виднелся сад, еще почти голый в феврале, но уже манящий ярко-зеленым плющом. Слева была гостиная с красивым блестящим крашеным полом; изящно драпированные белым кресло и софа, картины в рамах, облицованный зеленым изразцом камин и золотые часы с маятником и разные украшения на каминной полке. Величественную картину дополняли хрустальная люстра, обилие зеркал, тонкие шелковые занавеси и большой стол посередине. Похоже, даже живущий в Брюсселе мистер Дженкинс немного смутился: он не ожидал увидеть подобное величие в пансионе, предложенном им семейству Бронте как раз за его скромность и умеренную плату. Где-то совсем рядом раздался громкий колокольный звон: это били колокола собора Святых Михаила и Гудулы, и им тихо и нежно вторили с колокольни более скромной церкви – Святого Жака из Гуденберга. Такого не услышишь в протестантских храмах: Шарлотта остро почувствовала, что теперь они во владениях Римской католической церкви, к которой с самого детства испытывала неприязнь.

– Месье Дженкинс и месье Бронте, не так ли?

В гостиную энергичной походкой вошла красивая дама в нарядном тонкой шерсти платье с кружевными манжетами и таким же маленьким воротничком. Платье было слишком свободного кроя: мадам явно ждала ребенка. Голова ее была непокрыта, и тщательно уложенные косы и пышные каштановые локоны обрамляли лицо изумительного цвета. Несмотря на беременность, мадам Зоэ Эже сияла свежестью, ее щеки напоминали крепкое наливное яблоко, и сейчас она была сама любезность, так как очень уважала представителей духовенства, а перед ней стояли два пожилых английских священника. Где-то в углу возле камина, прижавшись друг к другу, прятались девушки в чем-то блеклом и старомодном, одна совсем крошечная, как отметила Зоэ. Она предложила гостям сесть и что-то быстро начала объяснять. Шарлотта с ужасом поняла, что разбирает лишь отдельные слова, а смысл фразы от нее ускользает. Она посмотрела на мистера Дженкинса, который единственный здесь свободно говорил по-французски, но по его напряженному лицу догадалась, что и он испытывает некоторые затруднения подобного рода. Или мадам говорила что-то такое, что его огорчило?

Потом их провели в соседнюю комнату, которая показалась Шарлотте гораздо более уютной. Она была устлана ковром, и в ней помещались пианино, кушетка и шифоньер. И еще огромное, в пол, окно: хозяйка отдернула тяжелые малиновые шторы, и сквозь чистые стекла (а чистота вокруг была идеальная) гости снова увидели сад: плюща и вьющегося винограда было так много, что казалось, их побеги залезали прямо в дом.

Дортуары для тех пансионеров, которые находились здесь постоянно (еще около сорока девочек приходили только на занятия, вечером их развозили по домам), располагались на втором этаже и были просторными и светлыми. Мадам провела гостей туда, где уже стояли приготовленные для Эмили и Шарлотты узкие кровати с тумбочками и ящиками для одежды, которые задвигались под кровать. В этой комнате жили двадцать девочек самого разного возраста, от семи до пятнадцати лет. Зоэ нахмурилась: хоть эти англичанки такие тощенькие и на вид мало чем отличаются от ее учениц, они все же уже молодые женщины, кажется, одной двадцать пять, а другой двадцать три. Она позвала горничную и велела принести ширму: пусть две их кровати будут отделены от остальных.

– О, мадам, большое спасибо, вы очень любезны, мы вам необычайно признательны, – произнесла Шарлотта и поймала недоуменный взгляд хозяйки. Нет, ее разговорный француз-

ский точно оставляет желать лучшего. А как же трудно придется Эмили, которая знает этот язык еще хуже.

Они проводили до двери пастора Бронте и мистера Дженкинса, последний настойчиво приглашал сестер посетить его дом уже в следующее воскресенье и обещал прислать за ними своих сыновей. Шарлотта нежно поцеловала отца и отметила про себя, что он смертельно устал от этого визита и с облегчением покидал дом супругов Эже (Константина, который в то время был на занятиях в школе для мальчиков *Athénée Royal*, он так никогда и не увидел). Пастор намеревался поехать в Ватерлоо: возможность побывать на месте славы своего кумира, “железного герцога” Веллингтона, была едва ли не главной причиной, побудившей его отправиться в это путешествие вместе с дочерьми. В их ответственности и благоразумии он нисколько не сомневался, так что, в принципе, мог доверить сопровождать их Джозефу Тейлору.

* * *

...Итак, двери в сад закрыты. Жизнь за ширмой. Общие завтраки и обеды. Уроки и домашние задания – только не они проверяют, как было все последнее время, а кто-то неизвестный проверяет их. И, кажется, таких великовозрастных пансионеров здесь больше нет.

Эмили высоко вскинула голову, и взгляд ее как будто обратился в пространство – Шарлотта хорошо знала, что это означает: она недовольна и сердится.

– Шарлот, я хотя бы смогу сама выходить в город? Мы ведь тут не в тюрьме?

– Наверняка, когда будешь свободно говорить по-французски.

– А церковь? Мы же не можем ходить в католические храмы?

– Мистер Дженкинс служит в протестантском. Как я поняла, это недалеко, зато есть повод прогуляться по городу. Мы освоимся, я уверена. Мы же вместе.

К ним подошла немолодая женщина: ее зовут Марта Тротмен, она англичанка, занимается детьми четы Эже, их уже трое, и мадам ожидает четвертого. Так как дети маленькие, она здесь и няня, и гувернантка. Она очень рада появлению в пансионате протестанток – теперь не так остро будет чувствоваться отделенность от остальных, ведь все здесь католики. И она, конечно, с радостью отведет сестер в протестантскую церковь. А теперь полдень, время завтрака: ученицы занимаются с девяти утра до двенадцати.

В столовой их представили воспитанницам, не выказавшим к новеньким никакого интереса: девочки с истинно фламандским аппетитом поглощали хлеб с фруктами и оживленно болтали о всяких пустяках. Сестры Бронте дивились их манерам, на английский вкус вульгарным и развязным, их громким голосам, хихиканью и щегольским шейным платкам, даже на самых маленьких. Учительниц, пытавшихся их утихомирить, пансионерки демонстративно игнорировали – попробовали бы они такое в Роу-Хед, не говоря уж о Кован-Бридж. Эмили едва откусила булку и молчала как воды в рот набрав, Шарлотта же повернула стул, на котором сидела, несколько в сторону (так она часто делала, когда волновалась, словно для того, чтобы не видеть лицо собеседника и не смущаться еще больше) и начала пылко говорить:

– Это только начало, дорогая. Мы будем работать день и ночь. У нас будет то, о чем мы мечтаем. Подумай: все города Европы будут принадлежать нам. Мы получим пропуск в общество самых умных людей...

Константин Эже, весь в черном, как обычно, с улыбкой входил в столовую. Он искренне любил своих учениц, особенно тех, кто проявлял интерес к литературе, и часто делился с ними бриошами или леденцами. Он сразу заметил двух новых девушек, которые держались обособленно, и вдруг понял, что уже несколько минут пристально смотрит на одну из них. Она вовсе не была красива, но глаза ее горели, щеки порозовели, прямые каштановые волосы сияли природным блеском, она вся была устремлена куда-то и явно пыталась своим красноречием увлечь в эти горние выси сестру. А что речь шла не о покупке украшения или поездке к морю, было

очевидно. Интеллект и одухотворенность – вот что Константин Эже превыше всего ценил в женщинах. Если они, конечно, при этом не являются синими чулками. Впрочем, он давно уже смирился с тем, что ни его красавица жена, ни их ученицы не могли похвастаться подобными добродетелями. Шарлотта тоже посмотрела на невысокого импозантного мужчину, ведущего себя здесь по-свойски, как дома, и тут же отвела глаза. Из-за своей близорукости она его и не разглядела-то толком. Надо было как-то ободрить сестру: резкость и неприветливость Эмили, к которым привыкли дома, здесь могли сослужить им плохую службу. За окном крупными белыми хлопьями пошел снег – все воспитанницы, побросав недоеденный завтрак, бросились на него глазеть. Только две девушки не встали из-за стола, они сидели молча и не замечали, что месье Эже по-прежнему не спускает с них глаз.

Глава 5

Шарлотта и Наполеон

Неприятности начались с Наполеона. Сестры Бронте уже больше месяца жили в пансионе и безропотно подчинялись жесткому распорядку дня: занятия с девяти до двенадцати, завтрак, потом час на вышивание, опять занятия с двух до четырех, обед в столовой вместе с мадам и месье Эже, час личного времени и с шести – подготовка домашних заданий. В восемь легкий ужин – вода и “пистолеты”, знаменитые брюссельские булочки, затем молитва и отход ко сну. Свежий хлеб, кремы, соусы, фрукты – все это казалось им необыкновенно вкусным и резко отличалось от меню в пасторате, состоявшего в основном из овсянки, картошки и изредка вареного мяса. Их обучали французскому, немецкому, рисованию и литературе, а Эмили, превосходно игравшую на клавесине, еще и музыке. Они очень старались: Эмили день и ночь учила французские глаголы, а *devoirs* (домашние задания) Шарлотты были написаны таким красивым почерком, какого здесь отродясь не видели, и тончайшие затейливые линии отделяли в ее тетрадях поля для замечаний учителя. Увы, их интеллектуальное превосходство (в силу природного таланта, уже полученных знаний и возраста) всем было очевидно и не прибавляло любви товаров. Что и привело к скандалу на том злосчастном уроке.

Речь зашла об отношении англичан к Наполеону. Чувства к императору обострились в бельгийском обществе в связи с тем, что два года назад, в декабре 1840-го, его прах был торжественно перенесен с острова Святой Елены в Париж, в Дом инвалидов. Вся Франция со слезами на глазах отмечала это событие. Доклад о последних днях Наполеона делала Женестьева Монтолон, дальняя родственница графа Шарля Монтолона, которому выпала честь сопровождать императора на остров Святой Елены. Говорили, что жена графа Альбина там же родила от знаменитого пленника девочку, которую назвала Наполеона. И сразу покинула остров. То ли Женестьева воспользовалась рассказами близких, то ли внимательно изучила мемуары последнего конфидента императора маркиза Лас-Каза, которыми зачитывалась тогда вся Европа, но класс слушал ее как завороченный. Элегантная и спокойная, прежде она никогда не говорила так подробно, интересно и убедительно.

– Всем известно, что Палата представителей потребовала отречения императора. И он, несмотря на то что тысячи людей пришли в Париж поддержать его, согласился. Наполеон решил просить политического убежища у самой цивилизованной, как он полагал, нации Европы – англичан. Его письмо к принцу-регенту Георгу IV содержало такие строки: “Я отдаю себя под защиту ваших законов и прошу английский народ – самого могущественного и великодушного из моих противников – оказать мне защиту и гостеприимство”. С этим письмом 15 июля 1815 года он поднялся на борт английского линейного корабля “Беллерофонт”, хотя рядом стояли два французских судна, готовых помочь ему бежать в Америку. Даже капитан-англичанин был потрясен таким благородством. И что император получил взамен? Англичане сослали его на самый дальний остров Атлантического океана, где отвратительный климат, где губернатор издевался над бывшим властелином мира как только мог, окружив его многочисленными кордонами охраны и не давая шагу ступить без надзора. Что он должен был чувствовать, глядя на этих вооруженных английских солдат, которых его армия побеждала и побеждала...

Щеки сидевших в самом последнем ряду двух девушек стали пунцовыми. Нет, этого стерпеть было уже невозможно. Дождавшись окончания страстного выступления Женестьевы, которое учитель отметил высшим баллом, Шарлотта попросила слова.

– Мы только что услышали очень интересный доклад мадемуазель Монтолон, в котором говорилось о победах Наполеона над английскими войсками. Но на самом деле их было не

так уж много, разве что взятие Тулона. Зато весь мир знает о двух великих победах адмирала Нельсона: в Абукирском заливе в 1798 году, когда французы потеряли все свои корабли, и при Трафальгаре в 1805-м. Именно это помешало Наполеону высадиться на Британских островах. Я уже не говорю о битве при Ватерлоо, когда доблестный Веллингтон с союзниками разбил войска Наполеона. Там осталось лежать почти пятьдесят тысяч солдат из девяностотысячного английского войска, и память о них требует от нас справедливости.

Шарлотта неожиданно для себя самой говорила по-французски свободно и уверенно. Но боже, что тут началось! Какие только обвинения не полетели со всех сторон в адрес островитян, замучивших самого великого европейца, а заодно и в адрес мисс Бронте, защищавшей соотечественников! Учитель сначала был рад активности девочек, у которых никогда раньше не наблюдалось такого интереса к битвам и сражениям, но, когда в класс заглянула привлеченная шумом мадам Эже, стал призывать всех к порядку, хотя и безуспешно. Ореол мученика засиял над челом великого императора, и не было лучшей приманки для женских сердец, готовых простить ему все. На Шарлотту смотрели почти с ненавистью, и только слово другой ученицы-француженки, Луизы де Бассомпьер (ее родственники в отличие от Монтолонов не были обласканы императором, а напротив, пострадали в революцию), разрядили обстановку. Луиза попросила всех быть вежливыми и уважать мнение мадемуазель Бронте. Шарлотта не забыла ее слов. Много лет спустя в благодарность она даст имя де Бассомпьер одной из героинь своего лучшего романа “Городок” Полине. Там это милая и трогательная молодая особа, занятая, правда, исключительно своими проблемами.

За обедом девочки нарочито не смотрели на сестер Бронте и не обращались к ним даже с просьбой передать соль или масло. Супругов Эже за столом не было – мадам чувствовала недомогание, и все говорили в полный голос.

– Ты посмотри, какие у нее рукава. У англичан они называются *leg-of-mutton* – “нога барана”. (Эмили и вправду носила платья с особыми рукавами: они были очень широкие у плеча и резко сужались к локтю, такой фасон выглядел немного смешным даже тогда, когда был в моде, но она к нему привыкла и не собиралась менять.)

– Тогда уж скорее у нее на руке “нога овцы”... Знаешь, я спросила ее, отчего она все время молчит, и она ответила: “Я такая, какой меня создал Бог”. И больше ни слова. Высокомерная гордячка. Интересно, это Бог ей велел носить такие уродливые платья...

– И вправду две овцы. Хотя маленькая хотя бы разговаривает. Но до чего же некрасива...

– Маленькая, между прочим, старше сестры. А зубы у них такие плохие из-за английского климата – там же все время идет дождь и холодно. Говорят, в Англии они сами были учительницами. Хотела бы таких зануд в наставницы?

– Ни за что. Я предпочитаю мадемуазель Мари: у нее всегда изящные ботинки. И она веселая. Мадам ее не любит за это. Но до чего же странные эти англичанки.

Шарлотта слышала каждое слово. Как бы она хотела уметь, как Эмили, полностью погружаться в свои мысли и не замечать того, что происходит вокруг! Увы, ей этого не было дано. Шарлотта все слишком хорошо понимала про себя: как часто сама она буквально кипела от негодования, как горько рыдала по ночам и злилась, да-да, откровенно злилась, хотя это и считалось тягчайшим грехом. А отец? Девочки прекрасно помнили: были минуты в их детстве, когда он стремглав выбегал во двор и палил там что есть мочи из ружья в воздух. Зачем, почему, какую боль и ярость изживал он таким необычным способом? Никто никогда не узнает. Да, вера помогает держать в узде страсти, но она не в состоянии их отменить. А Шарлотта часто бывала несдержанной: например, легко могла в письме назвать своих учеников *dolts* (болваны) или *fat-headed oafs* (тупоголовые придурки). Она не допускала приятельских отношений с ними и считала преподавание *wretched bondage* – жалким рабством. Хотя по понятным причинам современные исследователи ее творчества и не любят цитировать подобные высказывания. Вот и сейчас сразу же после обеда она ушла в сад и излила душу в письме Элен:

“О бельгийском национальном характере можно судить по большинству учениц нашей школы: они холодны, непослушны, и учителям трудно с ними справляться. Их моральные принципы совершенно извращены. Мы избегаем их, что нисколько не трудно, поскольку по нам сразу видно, что мы протестантки и у нас английские обычаи”.

Шарлотта пишет это письмо в саду, в так называемой запретной аллее. Это было уединенное место: аллея тянулась вдоль высокой стены, за которой располагались жилые комнаты соседнего колледжа для мальчиков. И хотя каменные стены были глухими, только наверху виднелись окошки комнат для женской прислуги да в нижнем этаже было прорублено одно окно – спальня кого-то из учителей, ученицам пансиона мадам Эже запрещалось здесь появляться. На учителей этот запрет не распространялся, но, поскольку неухоженные кусты и виноград разрослись по обеим сторонам этой аллеи так густо, что образовали крышу из ветвей и листьев, не пропускавшую солнечных лучей, мало кто посещал это место. Шарлотта же, занимавшая среднее положение между ученицей и учительницей (мадам Эже предложила ей давать пансионеркам уроки английского), его обожала. Здесь она могла побыть одна, здесь вспоминала детство, и даже Эмили она не слишком часто сюда звала, впрочем, та и не настаивала, тоже предпочитая одиночество.

Старый разросшийся сад пансионата Эже был прекрасен в любое время года. Основу его составляли огромные старые грушевые деревья, посаженные еще в те времена, когда на этом месте был монастырь. Весной они обрамляли белой пеной все окрестные дома, а сейчас почки на них едва выпустили клейкие зеленые листочки, острый запах которых бередил душу и заставлял думать о чем-то запретном. Впрочем, Шарлотта снова размышляла всего лишь о Наполеоне.

Как объяснить этим грубым девицам, что вовсе не случайно у смертного одра этого великого человека, обласканного судьбой, не было никого – ни матери, ни сестры или брата, ни женщины, ни ребенка! Он – это новый Прометей, терпящий наказание за свою гордость.

Тот похитил небесный огонь и был наказан Юпитером, который приковал его живого в горах Кавказа. Буонапарте же захотел создать империю и, чтобы вдохнуть в нее душу, без колебания отнимал жизни у целых народов. И само Провидение пожизненно приковало его к скале на острове в Атлантике. Наполеон не страшился, подобно Улиссу, песен сирен: он пренебрегал всем, чтобы осуществить свои грандиозные планы, он сам сделался словно из мрамора и железа. Он никого не любил: считал друзей и близких лишь инструментами, которыми дорожил, пока они были полезны, и бросал, когда они уже не были ему нужны.

В “запретной аллее” при неярком свете заходящего весеннего солнца Шарлотта твердо решила, что посвятит Наполеону свой очередной *devoir*. Интересно, что скажет месье Эже? Вдруг он тоже боготворит императора и не согласится с ней? Шарлотта побаивалась своего учителя по французскому и литературе: он приходил в ярость от ее ошибок и категорически запрещал пользоваться словарями и учебниками по грамматике, полагая, что способные англичанки все должны улавливать на слух. Тем более что он сам вдохновенно читал им лучшие тексты, когда-либо написанные на французском языке, – да так, что девушки чувствовали себя зрителями спектакля, поставленного в каком-то прекрасном театре. Он вообще все делал громко и страстно.

Если бы в ту минуту Шарлотте сказали, что именно с Наполеона, точнее с ее эссе о нем, начнется особая история отношений между ней и ее учителем, перевернувшая ей жизнь и ставшая источником самых ярких радостей и самых невыносимых страданий, она бы ни за что не поверила. Но мы знаем гораздо больше нее и потому с легкостью можем перенестись из весеннего вечера в саду 1842 года в жаркий августовский день 1843-го. Именно тогда, 4 августа в час пополудни – Шарлотта точно записала дату! – месье Эже вошел в классную комнату, где она уже поджидала его, как было договорено, и молча положил перед ней небольшой пред-

мет, аккуратно завернутый в белый пергамент. Развернув бумагу, она увидела щепку красного дерева.

– Это фрагмент гроба Наполеона. Реликвия досталась мне от моего друга месье Лебея. Он был секретарем племянника Наполеона принца Ашиля Мюрата, который сопровождал останки императора на пути с острова Святой Елены в Париж. Это на память о твоём эссе о Наполеоне, Шарлотта. Ты заслужила – пусть это хранится теперь у тебя.

Позже она узнала, что, когда останки императора достали из земли, перед очевидцами предстала жутковатая картина. Там было четыре гроба: первый оловянный, покрытый белой тканью, затем деревянный, третий свинцовый и, наконец, опять саркофаг красного дерева, скрепленный железными болтами. Но в тот момент она была счастлива – ведь это был его подарок. И ей даже в голову не пришло, что в руках она держала не что иное, как фрагмент гроба, пусть даже самого императора. Смерть – хозяйка пастората в Хауорте – словно следовала за ней по пятам.

Глава 6

У каждого свой рай

Шарлотта не любила смотреть на себя в зеркало. С детства привыкшая рисовать и пристально вглядываться во все, что ее окружает, она видела, что голова у нее явно велика для столь маленького тщедушного тела. Она такой себя и изображала на полях писем к друзьям, ничуть не приукрашивая натуру. Узкие губы, высокий лоб, который не могла спрятать ни одна в мире шляпка, напряженный взгляд... Увы, никого из девочек семьи Бронте нельзя было назвать хорошенькими. Это особенно заметно на портрете Шарлотты, Эмили и Энн, который висит сегодня в Национальной галерее Лондона и пользуется особым вниманием посетителей. Они, привыкшие к тому, что в кино сестер играют такие актрисы, как Изабель Аджани и Изабель Юппер, уходят разочарованными. Но автор портрета – Патрик Бренуэлл – вовсе не собиравшись льстить сестрам, а свое изображение так и вовсе закрасил краской то ли в порыве отчаяния, то ли в момент наркотического опьянения. На портрете никакой святости и милоты: три насупленные девицы, словно гусыни, смотрят неприветливым взглядом. В семье всегда считали, что мозги важнее, чем красота. И вот Шарлотта встретила мужчину, который, кажется, думал точно так же! (То обстоятельство, что женился он все-таки на красавице, не принималось ею во внимание никогда.)

Константину Эже в то время тридцать три. Он невысокого роста, но внешность его запоминается сразу: жгуче-черные волосы и голубые глаза, борода и пронзительный взгляд. Шарлотте поначалу он представляется совсем некрасивым. «Он профессор риторики, – пишет она Элен, – человек достойный и умный, однако обладающий холерическим яростным темпераментом; маленький черный уродец с необычайно выразительным лицом. В нем есть что-то или от безумного кота, или от сумасшедшей гиены, но иногда, хотя и редко, он оставляет эти ужимки и превращается в стопроцентного джентльмена». Бессознательно она первый раз в жизни использует с ним женские уловки: в минуты его гнева начинает плакать – и тогда он смягчается.

Отчего же плакала перфекционистка Шарлотта, обожающая учиться? Дело в том, что месье Эже отважился со своими новыми ученицами на рискованный, хотя и оправдавший себя эксперимент. Спустя два месяца после их приезда в Брюссель он объявил:

– Мадемуазель, я не хочу, чтобы вы корпели над грамматикой. Для того чтобы почувствовать язык, это не столь уж важно. Я намерен сам читать вам вслух лучшие тексты французских писателей – Делавиня, Боссюэ, Шатобриана, Гюго, – а после мы обсудим, в чем автор безупречен, а где у него можно найти недостатки.

(Надо было обладать поистине педагогическим гением, чтобы догадаться, что двум этим англичанкам, приехавшим учиться французскому, по силам будет обсуждать недостатки Виктора Гюго!)

Шарлотта испугалась, но безропотно приняла условия игры, зато Эмили сразу встала на дыбы.

– Но, месье, я не вижу в этом плане ничего хорошего. Усвоив подобный метод, мы потеряем оригинальность собственных мыслей. Анализируя чужие стили, мы не приобретем свой.

– А вы уже обладаете им на французском, мадемуазель Эмили?

– Безусловно. Каждый человек обладает своим неповторимым стилем, своей индивидуальностью, данной ему Богом, и раскрыть их как можно полнее – его призвание. И если он овладеет китайской грамматикой, что, в сущности, всего лишь дело техники, то сможет сделать это и на китайском.

В итоге Эмили проявляла свое раздражение тем, что постоянно молчала и ни с кем не хотела разговаривать. Да, эти сестры были еще тем подарком! Например, сыновей преподобного Дженкинса Джона и Эдварда силой нельзя было заставить отправиться в пансион, чтобы доставить сестер Бронте к ним в гости. Во время первой встречи юноши просто взмокли от неловкости: неблизкий путь в дом Дженкинсов сопровождала мертвая тишина, девицы даже на их вопросы почти не отвечали. Учившаяся тогда в пансионе неподалеку Мэри Тейлор тоже вспоминала, что при встречах Эмили могла промолвить всего лишь одну-две фразы. А сам Эже отметит позже ее «недостатки образования и робость». И ужаснется беспощадному изображению жестокости природы в ее эссе «Кошка» и «Бабочка». Хотя по сути Эмили всего лишь руководил инстинкт самозащиты: она могла подчиняться только собственной поэтической дисциплине, и никакой другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.